

«У нас с Наташей – СУМАСШЕДШИЙ ДОМ», –

признался в интервью «Комсомолке» известный режиссер Владимир Наумов. Его жена актриса Наталья Белохвостикова с ним согласна

Этой семье можно по-хорошему позавидовать. Они всегда вместе: и в печали, и в радости, на отдыхе и на работе.

Скоро, уже в конце сентября, выйдет их совместная книга «В кадре», где Наталья Николаевна, Владимир Наумович их дочь Наталья (тоже актриса и будущий режиссер) делятся своими воспоминаниями, а также секретом о своем многолетнем семейном счастье.

Ломать шею цыпленку не понадобилось

Владимир Наумович, вас никогда не упрекали, что во многих своих фильмах вы снимаете супругу?

Владимир Наумов:

Никогда ничего подобного не слышал. А почему такие упреки должны быть? Не я из Наташи сделал актрису. Когда мы познакомились, она уже была известной. При этом – самым молодым лауреатом Государственной премии. За кинокартину «У озера». Наоборот, я считаю, что мало ее снимаю. Ведь в ней еще много потенциала. До сих пор я узнаю о Белохвостиковой много нового. Например, в нашей последней картине «Мадонна на асфальте», которую мы сейчас заканчиваем, Наташа открывается как потрясающая гротесковая актриса – она играет сумасшедшую театральную поклонницу. До этого ее снимали лишь в драматических и романтических ролях.

А зачем же вы дочку – младшую Наташу – втянули в актерское дело?

В.Н.: – Опять же, я здесь ни при чем. Просто когда дочке было пять лет, я использовал ее в своих корыстных целях – снял в небольшой роли в «Тегеране-43». Ну а потом она уже сама выбрала свой дальнейший путь. Я считаю, не надо мешать или что-либо навязывать детям.

Наташа, а ты помнишь эту свою первую роль?

Наталья Наумова: – Ой, я же совсем маленькая была. Мне тогда казалось, что я – взрослая. Актриса

уже. Относилась очень серьезно к съемкам. Помню, вокруг меня носились гримеры, костюмеры. А еще помню, стреляли постоянно. Страшно было.

Наталья Белохвостикова: – Но она сделала все, что требовалось с первого же дубля. Перед съемками отец отвел Наташу в сторону и долго-долго что-то объяснял ей.

В.Н.: – Я рассказывал, что нужно сделать, где заплакать, как отреагировать. Знаете, ведь обычно детей в кино снимают провокационным способом. Ну, например, нужно, чтобы ребенок испугался, его по-настоящему и пугают выставленным за спиной.

Н.Б.: – Да, да. А Коля Губенко, чтобы вызвать у ребенка слезы на съемках, на его глазах свернул шею цыпленку.

В.Н.: – Но с Наташкой этого делать не потребовалось. Все у нее получилось блестяще.

Н.Б.: – Вообще в первый раз На-

У Наташи Белохвостиковой первым партнером был Шукшин. У ее дочери – Иннокентий Смоктуновский

тата оказалась на съемочной площадке, когда ей был годик. Моя мама принесла ее на съемки картины «Легенда о Тиле». Представьте: снимаем сцену гадания – тишина, какая-то мистическая атмосфера вокруг, и вдруг – в павильоне медленно открывается дверь, и на пороге я вижу милое, любимое существо... Я даже расплакалась.

Н.Н.: – Вот этого момента я точно не помню.

С партнерами в кино обеим Наташам повезло

– А у вас никогда не было сомне-

ний в выборе дочкой профессии?

В.Н.: – Да были, конечно же. Но не из-за нехватки у нее способностей (их у Наташи хоть отбавляй), а потому, что профессия эта очень уж зависимая. Бывает, что талантливый человек так и не раскроется в жизни. Или с режиссером не повезет, или с ролями. Но мы никогда ее не отговаривали, а просто наблюдали со стороны. Тем более Наташке повезло – первым ее партнером в кино стал Иннокентий Смоктуновский («Белый праздник»). Когда-то так же повезло Наташке-старшей. Первый ее партнер – Василий Шукшин («У озера»).

Н.Н.: – Я однажды сама хотела поменять профессию. Уже будучи актрисой, с подругой провела в Концертном зале «Россия» благотворительную акцию – мы собирали деньги на детский приют. Там выступали разные звезды эстрады. И так нас они одурачили, так все нас обманули! Вот я и решила: пойду учиться на юридический факультет, буду юристом. В конце концов прочилась год и опять вернулась в актерство. Более того, сейчас учусь еще у Аллы Суриковой на режиссуру.

– Вот наблюдаю я за главой вашей семьи – Владимиром Наумовичем, он и на съемках такой же спокойный человек?

Н.Б.: – Что вы! Он ни минуты не сидит без дела. Прежде чем снять сцену, он раз двадцать посмотрит в камеру, все сам примерит, оценит...

В.Н.: – Наташа, да все режиссеры так делают...

Н.Б.: – Нет, Володя! Я много снималась и знаю, кто как работает. Некоторые режиссеры вообще не подходят к камере даже близко. Просто стоят и тухло смотрят.

В.Н.: – А я не понимаю, как без этого?! Я же автор картины, я должен проследить за всем.

Наша мудрость – оберегать друг друга

– А вы дома говорите о работе?

Н.Б.: – Мы круглосуточно в работе. Нас Володя к этому приучил. С семи утра до глубокой ночи мы работаем.

В.Н.: – Да, да. У нас – сумасшедший дом!

Н.Б.: – Сегодня, например, до трех ночи читали и обсуждали один сценарий Тонино Гуэрро. Он у нас долго лежал, и мы вдруг решили его еще раз перечитать. Хохотали, плакали, придумывали.

В.Н.: – Постоянная работа. В течение двадцати семи лет совместной жизни...

Н.Б.: – Двадцати девяти, по-моему?!

В.Н.: – Разве?! Ну, хорошо, пусть будет по-твоему.

– На мой взгляд, ваша семья просто уникальная. Та-

Такой мы впервые увидели Наталью Белохвостикову в кино.

кое впечатление, что вы вообще не соприкасаетесь с окружающим миром – жестким, непредсказуемым. У вас всегда хорошее настроение, вы так радуетесь всему вокруг...

Н.Б.: – Знаете, у меня есть убежденность, что надо беречь людей, которые рядом. Из последних сил, но беречь. Дома должно быть тепло, аура добра должна быть. Чтобы человек мог туда с радостью возвращаться. Если этого не будет, мы все разрушимся.

В.Н.: – Это ошибка так думать, что мы не касаемся внешнего мира. Каждый день приходится сталкиваться с жестокой правдой жизни. Но у нас есть куда спрятаться. В этом Наташа права. Когда все время находишься под дождем, обязательно схватишь насморк и прочие болезни. Вот наш дом нас и лечит. Здесь мы и укрываемся от всего плохого. Наш дом – как бом-

вала что-то неладное с ним. Кое-как нашла его, вызвонила, спрашиваю: «У тебя ничего не случилось?» «Нет», – отвечает. Но я все равно была спокойна. Оказывается, он там болел. А мне просто врал, чтобы не расстраивать.

В.Н.: – С ней вообще опасно о чем-либо думать. Только подумай, она уже говорит это, чувствует. И врать ей бесполезно.

Знаете, мы очень хорошо дружили с Феллини. После его смерти мы пришли на его могилу. И увидели там три надгробия: Джульетты Мазини, Федерико Феллини и... Пьера Феллини. Оказывается, в 45-м году у них был сын, который умер в двухнедельном возрасте. Представляете, они всю свою жизнь пронесли это несчастье и никому об этом не рассказали. Ни разу!

Когда Феллини заболел и Джульетта тоже заболела, он все равно встал (а ему было категорически запрещено даже вставать) и поехал к ней. За сотни километров! Что это? Любовь? Я думаю, что-то большее. Он и умер в ресторане, когда они отмечали вдвоем с Джульеттой золотую свадьбу.

– А вы когда-нибудь ссоритесь и по каким причинам?

Н.Б.: – О, только по пустякам. Например, Володя кричит: «Кто взял мои документы? Я оставлял их на столе!» И мы с дочкой начинаем искать по всему дому его бумаги. Хотя догадываемся, что найдем их или у него в кейсе, или в его кабинете на «Мосфильме». Вот тогда и ссоримся.

В.Н.: – Вообще характер у меня плохой. Я вспыльчивый, конфликтный, ворчливый. А Наташка – человек, который живет только на положительных эмоциях. Если ее кто-нибудь обидит, она отойдет в сторону и будет переживать одна.

– А почему вы назвали дочь тоже Наташей? Ведь запутаться можно...

В.Н.: – Если честно, я хотел, чтобы, когда я зову: «Наташа-а!», ко мне бежали сразу две! А в результате что я получил?! Зову – и ни одна не подходит. Думают, что не ее зовут...

Беседовал Олег ПЕРАНОВ.
Фото Сергея КОМАРОВА
и из журнала «Огонек».

– А вот Коля Губенко, чтобы вызвать слезы у ребенка, на его глазах свернул цыпленку шею!